



*Издательство
«Художественная
литература»*

Москва 1965



ЛИРИКА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА



А
Л 62

Перевод с египетского
АННЫ АХМАТОВОЙ и ВЕРЫ ПОТАПОВОЙ

Составление, вступительная статья,
подстрочные переводы и примечания
И. КАЦНЕЛЬСОНА

Художник
Ф. КОНСТАНТИНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Александр Сергеевич Пушкин, вдохновленный известной одой Горация, писал свои пророческие стихи: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», он, конечно, не мог подозревать, как, очевидно, не подозревал того и Гораций, что еще в XIII в. до н. э., в царствование фараона Рамсеса II, безвестный египетский писец запечатлел тростниковым пером на свитке папируса мысли и чувства, еще более древние:

Мудрые писцы...
Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими...

Восемнадцать веков отделяют Пушкина от Горация. Возможно, такое же время отделяет Горация от его египетского предшественника. Любопытно, что знаменитая ода Горация: «Создан памятник мною. Он вековечнее || Меди, и пирамид выше он царственных»,—

во многих отношениях ближе к «Прославлению писцов», чем к пушкинскому «Памятнику».

Это далеко не единственный случай, когда мотив, прозвучавший впервые в древнеегипетской поэзии, находит свое развитие в позднейшие века. На заре письменного художественного творчества, конечно, еще не могло быть сознательного разделения на литературные жанры. Но именно из долины Нила дошли до нас древнейшие повести, сказки, басни, поучения, философические диалоги, гимны, любовные песни. При всей своей малочисленности, они убедительно свидетельствуют о том, как плодотворно оказалось литературное творчество народа, создавшего еще в конце четвертого тысячелетия до нашей эры одну из величайших цивилизаций древности.

К прискорбию нашему, мы не знаем авторов древнеегипетской лирики. И это не случайно. Тогдашняя эпоха не благоприятствовала выделению обособленной личности. Все население страны было одинаково бесправно перед деспотом-фараоном. Каждый подданный, независимо от положения, им занимаемого, считался его рабом. Только о нескольких мудрецах, облеченных высоким саном, может быть даже родственниках царя, сохранялась память на протяжении веков.

Но, даже не зная имени автора, иногда,— правда, очень редко,— мы можем видеть, как на него нисходило вдохновение. Перед нами один из так называемых «школьных» папирусов — папирус Анастаси II (папирусы обычно называются по имени своих первых владельцев). Он заполнен обычными упражнениями ученика-писца, писавшего под диктовку или копировавшего еще неуверенной рукой назидательные тексты, молитвы или деловые письма. А на обороте другим, четким и уверенным почерком начертано:

Приходит ветер — и слетает к сикомору,
Приходишь ты...

Здесь тростниковое перо остановилось. Но мы можем легко завершить то, что не было dokonчено тридцать пять веков тому назад: «...спешись ко мне...», — и представить себе, как все это было.

Знойный день. Школа писцов, приютившаяся где-нибудь под тенью колоннады храма или пальмовой рощи. Наставник,— быть может, еще совсем не старый,— проверяет работы своих учеников. Внезапно в его голове складывается удачное начало строфы. Чтобы не забыть его, он быстро записывает на обороте папируса, который подал ему ученик для проверки. Такое, вполне правдоподобное, предположение высказывает немецкий египтолог профессор Э. Шотт.

Приведенные строки скорее всего должны были начинать какую-нибудь любовную песнь. К сожалению, изо всей богатой и разнообразной любовной лирики Древнего Египта уцелело около пятидесяти стихотворений и фрагментов. Все они датируются второй половиной эпохи Нового царства (XIV—XI вв. до н. э.). Подавляющее большинство жрецов и писцов — хранителей культурных традиций той далекой от нас поры — интересовались, главным образом, религиозными, дидактическими и научными сочинениями. К художественной литературе, а тем более к «легкомысленной» любовной лирике они относились пренебрежительно. Разумеется, были исключения; их многочисленность доказывает, что лирика, как и теперь, пользовалась особенной любовью.

Произведения древнеегипетской лирики сохранились преимущественно в списках XIV—XII вв. до н. э. Это прежде всего по три цикла стихотворений из папирусов Харрис 500 и Честер Битти I, они переписаны любителями «развлекательной» литературы вместе со сказками¹ и некоторыми другими произведениями соответственно около 1330 г. и 1160 г. до н. э. Еще по одному циклу начертано на папирусе Туринского музея (XII в. до н. э.) и на большом глиняном черепке (остраконе) Каирского музея примерно того же времени. Сохранился, кроме того, ряд фрагментов на остраконах меньшего размера. С некоторой натяжкой к лирике причисляют и несколько надписей на гробницах и стелах.

¹ См. «Фараон Хуфу и чародей». Сказки, повести, поучения Древнего Египта, Гослитиздат, М. 1958.

Можно ли считать временем возникновения древнеегипетской лирики время, когда были написаны хранящиеся ныне в музеях папирусы? Конечно, нет. Многообразие ее форм, вполне отстоявшийся стиль, искусное построение, использование сложных литературных приемов, а иногда даже известная вычурность указывают на долгий предшествующий путь развития, скрытый от наших глаз.

Когда же возникла любовная лирика? Несомненно, что долгое время ее передавали из уст в уста; записывать ее стали, видимо, в эпоху Нового царства, когда пробудился интерес к внутреннему миру человека.

После многолетних походов фараоны XVIII династии (начало XVI — начало XIV в. до н. э.) присоединили к Египту территорию от гор Амана на севере до четвертого порога Нила. На три тысячи двести километров с севера на юг растянулись их владения. В столицу — Фивы, да и в другие города стекались несметные богатства: золото из нубийских рудников, серебро, медь, слоновая кость, изделия искусных сирийских, кипрских и критских ремесленников, драгоценные камни, редкие породы деревьев, заморские благовония; сюда же приводили толпы рабов. Небывалая роскошь господствовала при дворе фараонов. Им подражали вельможи и сановники. Кое-что перепало и средним слоям. Для этого времени характерно стремление к чувственным наслаждениям, удовольствиям, празднествам. На фресках и рельефах, украшающих гробницы знати той поры, часто изображаются веселые пиршества в саду или прогулки на лодках. Перед нами, по прошествии тридцати пяти веков, воскресает пестрая, красочная жизнь: мы видим нежных красавиц в тончайших прозрачных одеждах, стройных обнаженных танцовщиц, арфистов, увеселяющих гостей, наконец, самих вельмож, покоящихся в гробницах, — в пышных париках, длинных белоснежных одеяниях они важно восседают на креслах, среди веселой толпы пирующих и подобострастно склонившихся слуг.

Разумеется, в таком кругу были вполне уместны песни о радостях и горестях влюбленных, песни, призывающие к чувственным утехам. Общее стремление к утонченности сказывается и в любовной лирике: она подвергается искусной литературной обработке, что, возможно, доказывает широкое распространение грамотности. Ее словарь, правда, заимствован из народной речи эпохи Нового царства, сменившей «классический» литературный язык. В то же время она тесно связана с культовыми песнопениями и гимнами, прежде всего в честь богини любви, музыки, танцев и веселья, покровительницы женщин — Хатор. Изошренное построение некоторых стихотворных циклов и вместе с тем их непосредственность, свежесть и разнообразие позволяют утверждать, что они созданы высокоодаренными людьми, которые успешно преодолевали стареющие каноны, чутко отзываясь на вкусы и запросы своего времени.

Захватническая политика фараонов разомкнула кольцо изолированности, которая была характерна для Египта до конца первой половины второго тысячелетия до нашей эры. Египтяне познакомились с искусством других народов и кое-что у них переняли. Но их литература остается самобытной. Ее темы, форма, стиль по-прежнему чисто египетские.

Не изменилось и отношение к женщине. В долине Нила женщина всегда пользовалась большой самостоятельностью. Ее окружали почет и уважение. Достоинства ее превозносили, а красоту воспевали. О ней говорили как о «владычице дома». Египтяне высоко ценили семейное счастье. Отношения между мужем и женой были исполнены взаимной любви и нежности: «Любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью, || С чарующими устами и приятной речью», — говорит об умершей жене жрец Петосирис в надписи, начертанной в гробнице. Девушка могла свободно встречаться со своим избранником и даже признаваться в своих чувствах. Для нее он — «Брат», она для него — «Сестра».

Это, конечно, отнюдь не означало, что влюбленные (или супруги) находились в близких родственных отношениях. В эпоху Нового царства слова «Брат» и «Сестра» отошли от своего первоначально-го значения и стали передавать понятия «любимый» и «любимая». Из народного языка они перешли в литературу. Обращение «Брат» и «Сестра» подчеркивало, вполне вероятно, известное равенство полов. Кстати говоря, обращение «Брат» и «Сестра» между влюбленными существовало и в литературе некоторых других народов Древнего Востока, например, шумеров, израильтян. Так, в недавно обнаруженном шумерском мифе о потопе богиня Иннана называет любимого ею бога Думузи своим «Братом». Однако в Шумере и Израиле женщина пользовалась меньшей свободой, чем в Египте.

Среди древнеегипетских любовных песен есть несколько, быть может, сочиненных женщиной за много веков до Сафо. Это «Начальное слово великой подательницы радости», из папируса Честер Битти I, где за первой песней, вложенной в уста юноши, следуют три от лица его возлюбленной. Ей же принадлежит и шестая. Четыре песни девушки по глубокой лиричности отличаются от речей юноши, выраженных в более общих, даже несколько шаблонных тонах. Если все они принадлежат одному автору, то следует признать, что он был не только превосходным стилистом, но и тонким психологом.

Еще сравнительно недавно о египтянах писали как о народе, для которого «существование после смерти казалось всегда важнее, чем земное бытие». Нет ничего ошибочнее подобного представления. И лучше всего опровергают это заблуждение любовные песни. Их мог создать только народ, который жаждал вкусить долгую, счастливую жизнь на земле. Даже из вечного мрака преисподней египтяне хотели возвратиться в свой земной мир, распростертый под вечно голубым небом и залитый яркими благостными лучами солнца. Вот почему так трогательно звучит жалоба умершей девочки, начертанная на стеле. Вот почему стенает жена

«бесценного брата, супруга и друга» верховного жреца из Мемфиса: «В Стране заката беспробудный сон, || Да тяжкий мрак...» Впрочем, оплакивают своих близких не только люди, но и боги, которым, невзирая на их бессмертие, также уготована гибель. Богиня Исида взывает к своему брату-супругу Осирису, умерщвленному злым братом Сетом: «Приди ко мне скорее! || Потому что я жажду узреть тебя || После того, как не видела лица твоего. || Тьма вокруг нас, хотя Ра в небесах!»

Быть может, эта любовь к жизни, к прекрасному окружающему миру заставила египтян сложить полный благодарности и нежности гимн Нилу — реке, поющей и кормящей их родину. Другой знаменитый гимн — «Гимн Атоцу», возможно, сочиненный самим царем-реформатором Эхнатоном, прославляет лучезарного бога, дарующего радость всему живому.

Но не следует полагать, будто египтяне, любя и ценя земное бытие, не ставили перед собой серьезных, глубоких философских вопросов о жизни и смерти, о смысле существования, о справедливости. Сохранилось несколько стихотворений, которые можно условно отнести к философской лирике. Они полны горечи и разочарования. Конечно, их появление обуславливалось историческими предпосылками. Два из них, — быть может, наиболее интересные, — созданы в эпоху Среднего царства, когда в стране обострились социальные противоречия, что привело, около 1750 г. до н. э., к народному восстанию. Авторы их по-разному отвечали на тревожившие их вопросы. Ответ, данный в «Песне из дома усопшего царя Ахтефа», довольно прост, столетия спустя его повторит Библия, а затем он прозвучит во всей мировой литературе: «Все люди смертны».

А потому празднуй прекрасный день
И не изнурай себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

По настроению к этой песне примыкают и надписи в гробницах Фиванского некрополя эпохи Нового царства, хотя мысль о бренности всего земного выражена в них не столь отчетливо.

В «Споре разочарованного со своей душой» слышится глубокая грусть, даже отчаяние, полное отвращение к окружающей действительности, к самому себе. Выход представлялся один: покончить с собой, уйти из жизни. Так откликается на приближение грозных событий «Разочарованный» — скорее всего представитель отжившей свой век древней знати, томимой сознанием обреченности.

Не столь пессимистично настроен был автор «Прославления писцов». Правда, он родился и жил в эпоху, когда Египту предстояло великое будущее: на протяжении нескольких веков решать судьбы Восточного Средиземноморья.

Как мы уже отметили, в древнеегипетской лирике впервые встретился ряд «извечных» мотивов мировой литературы. Утренняя песнь любовников, после ночи объятий и утех взывающих к птицам с просьбой повременить с возведением нового дня; обращение к двери, отделяющей юношу от любимой им девушки; описание и восхваление ее достоинств и красоты; тяжкий недуг, который может вылечить лишь приход «Сестры», ибо она лучше всех врачей знает, что нужно заболевшему; наказания, которым должен подвергнуться один из влюбленных; река и злые силы, их разделяющие; любовные игры — все это потом бесчисленное количество раз будет перепеваться и повторяться в художественном творчестве почти всех народов, и прежде всего в «Песни песней» (вполне вероятно, что ее автором является царь Соломон, ибо только так можно объяснить включение этого сборника светских, откровенно эротических песней в библейский канон). Затем они прозвучат у великих лириков Греции и Рима: Сафо, Анакреона, Феокрита, Катулла, Вергилия, Горация, Проперция, Овидия,

будут восприняты трубадурами и миннезингерами и от них перейдут к поэтам Возрождения.

Значит ли это, что Египет был родиной лирической поэзии? Едва ли. В результате последних изысканий шумерологов стали известны отдельные лирические произведения, начертанные на клинописных табличках в конце третьего тысячелетия до нашей эры, когда между долинами Нила и Тигра и Евфрата еще не установились прямые связи. Но пока в целом египетская лирика остается древнейшей: это определяет ее огромную научную и познавательную ценность.

Впрочем, ограничившись такой оценкой, мы проявили бы, вне всякого сомнения, сухой педантизм. Совершенство формы, естественность, высокая художественность образов, присущие лирическому творчеству древних египтян, могут и ныне доставить подлинное наслаждение любителю поэзии, несмотря на огромное расстояние во времени, отделяющее нас от них.

Древнеегипетские песни и гимны, вероятно, исполнялись под аккомпанемент музыкальных инструментов: тимпанов, лютен, систров. Метрическое строение отдельных строф определить сейчас трудно, даже невозможно, так как египтяне, подобно некоторым другим восточным народам, например евреям, не выписывали гласных звуков, имевших в их языке подчиненное значение. Каждое слово, видимо, имело ударяемую гласную, которая могла быть долгой в открытом слоге и краткой в закрытом. Ритмичности способствовало повышение и понижение тона. Возможно, существовала и рифма. Строки стихотворения нередко отделялись друг от друга поставленной сверху строки красной точкой. В некоторых циклах конец стихотворения отмечался сокращенно написанным словом «кончать». Строфа обычно состояла из четырех строк.

Художественный эффект достигался с помощью сложных приемов: игры слов, симметричности построения, параллелизма членов, аллитерации, единообразного начала строф и т. д. Так,

в «Начальном слове великой подательницы радости» значение первого слова каждого стихотворения совпадает с его порядковым номером в этом цикле. Например, во второй песне слово «Сену» означает одновременно и «Брат» (в данном случае — возлюбленный) и «второй». В «Начале радостных песен», где речь ведется от имени цветов, названия их созвучны одному из последующих слов: цветок «мех-мех» (василек или портулак) сочетается с «мехаи» («уравновешивать»).

К сожалению, отсутствие вокализации лишает нередко даже египтологов возможности полностью оценить высокое совершенство формы египетской поэзии, ибо подлинное звучание слов, их тональность, а иногда и смысл остаются скрытыми. Это создает большие трудности при переводе на современные языки.

Бесконечно далек от нас мир египтян. Но нас до сих пор не могут не волновать многие мысли и чувства, запечатленные в их произведениях, и особенно в их лирике, которая пережила столько веков и не утратила своей красоты, юности, обаяния. Мы можем с полным правом повторить вслед за безымянными создателями прекрасных творений далекой древности:

Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.

И. Кацнельсон



ЛЮБОВЬ



[СИЛА ЛЮБВИ]

1

А любовь к тебе вошла мне в плоть и в кровь
И с ними, как вино с водой, смешалась,
Как с пряною приправой — померанец
Иль с молоком — душистый мед.

О, поспеши к Сестре своей,
Как на ристалище — летящий конь,
Как бык,
Стремглав бегущий к яслям.

Твоя любовь — небесный дар,
Огонь, воспламеняющий солому,
Добычу бьющий с лету ловчий сокол.

2

Меня смущает прелесть водоема.
Как лотос нераскрывшийся, уста
Сестры моей, а груди — померанцы.
Нет сил разжать объятия этих рук.

Ее точеный лоб меня пленил,
Подобно западне из кипариса.
Приманкой были кудри,
И я, как дикий гусь, попал в ловушку.

3

Твоей любви отвергнуть я не в силах.
Будь верен упоенью своему!

Не отступлюсь от милого, хоть бейте!
Хоть продержите целый день в болоте!
Хоть в Сирию меня плетью гоните,
Хоть в Нубию — дубьем,
Хоть пальмовыми розгами — в пустыню
Иль тумаками — к устью Нила.

На увещанья ваши не поддамся.
Я не хочу противиться любви.

Согласно плещут весла нашей барки.
 По Нилу вниз плыву с вязанкой тростника.
 В Мемфис хочу поспеть и богу Пта взмолиться:
 Любимую дай мне сегодня ночью!

Река — вино!
 Бог Пта — ее тростник,
 Растений водяных листья — богиня Сб́хмет,
 Бутоны их — богиня Иар́йт, бог Нефертум — цветок.

Блистая красотой, ликует Золотая,
 И на земле светло. Вдали Мемфис,
 Как чаша с померанцами, поставлен
 Рукою бога.

Улягусь я на ложе
 И притворюсь больным.
 Соседи навестят меня.
 Придет возлюбленная с ними
 И лекарей сословье посрамит,
 В моем недуге зная толк.



Вот загородный дом Сестры моей.
 Распахнута двустворчатая дверь,
 Откинута щеколда.
 Любимая разгневана донельзя.
 Взяла бы хоть в привратники меня!
 Ее бы выводил я из терпенья,
 Чтоб чаще слышать этот голос гневный,
 Робея, как мальчишка, перед ней.

Пройдя Канал Владыки по теченью,
 Свернула я в другой, носящий имя Ра,
 Чтоб вовремя поспеть к разбивке
 Шатров, когда канал Мертвѳу
 Свое откроет устье.

Плыву — не опоздать бы мне на праздник! —
 А сердцем порываюсь к богу Ра,
 Пускай поможет мне увидеть Брата,
 Когда направится он в храм Владыки.

Канала устье нам двоим предстало.
 Мое унес ты сердце в Гелиополь,
 И я ушла с тобой к деревьям роши,
 Всевышнему владыке посвященной.

С деревьев Солнечного бога
Срываю ветвь — себе на опахало.
Лицом я обернулась к роше
И в сторону святилища гляжу.

Отяжелив густым бальзамом кудри,
Наполнив руки ветками персеи,
Себе кажусь владычицей Египта,
Когда сжимаешь ты меня в объятьях.





НАЧАЛО ПРЕКРАСНЫХ И РАДОСТНЫХ
ПЕСЕН СЕСТРЫ, КОГДА ОНА
ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ЛУГА

1

О Брат мой! Желанья твои
Предугаданы мной.
Забота у сердца одна:
Чтоб милый меня возлюбил.

Я вышла на промысел птичий.
В руке у меня западня,
В другой — птицеловная сеть
И острого дротика древко.

Из Пунта в Египет летят
Пернатые, чье оперенье
Пропитано миррой. В приманку
Впивается первая птица.

Душистыми смолами Пунта
Наполнены когти у ней.
На волю отпустим ее,
Чтоб остаться вдвоем!

Прощальный услышал ты крик
Прекрасной моей, умащенной бальзамом,
Когда я силки расставляла,
И были мы вместе.

Несказанная радость —
К любимому выйти на луг!

2

Дикий гусь кричит
Жалобно в силках.
Бьюсь в плену любовном,
Словно в западне.

Дичи не поймав,
Как я без добычи

К матери вернусь?
Что отвечу ей?

Я сетей не ставила сегодня:
Я сама в сетях его любви.

3

Дикий гусь кружйт
И ныряет в заводь.
Вьется птичья стая. Что мне до нее,
Если я поглощена любовью?

В одиночестве — и то
Не нарадуюсь любви!
Сердце у меня в ладу с твоим.
Красота моя с твоей поспорит.

4

От милого я вышла,
И сердце замирает
При мысли о его любви.

И яства сладкие —
Мне соли солоней,
И вина сладкие —
Гусиной желчи горше.



Лишь поцелуй его
Живителем для сердца.
Что я нашла, Амон,
Мне сохрани навеки!

5

Как бы я желала, мой прекрасный,
Стать твоей заботливой хозяйкой,
Чтоб рука моя в руке твоей лежала,
Чтоб любовь моя была тебе отрадой.

К сердцу своему — в твоей груди! —
Я взмолилась: «Дай сегодня ночью
Мне в мужья того, кого люблю!
Без него — что ложе, что гробница».

Ты — само здоровье, жизнь сама!
Ты живешь — о, счастье!
Ты здоров — о, радость
Для души, стремящейся к тебе!

6

Ласточки я слышу голос:
«Брезжит свет, пора в дорогу!»
Птица, не сердись,
Не брани меня!

Милый у себя в опочивальне.
Радуется сердце.
Говорю я другу: «Не уйду!»
И рука моя — в его руке.

Для прогулок выбираем оба
Уголок уединенный сада.
Стала я счастливейшей из женщин.
Сердца моего не ранит милый.

7

К воротам обратив лицо —
Вот-вот придет любимый! —
С дороги не спускаю глаз
И каждый звук ловлю.

Любовь — моя забота.
Мое занятие — ждать.
Любви — и только ей! —
Я сердцем откликаюсь.

Послал бы скорохода,
Чтоб вестник быстроногий
Мне без обиняков
Сказал про твой обман!

Признайся, ты завел другую!
Она тебя прельщает.
Возможно ль кознями своими
Ей вытеснить меня?

8

Мне вспомнилась твоя любовь!
Кудрей заплетена лишь половина:
Стремглав бегу тебя искать,
Пренебрегая гребнем и прической.

О, если ты не разлюбил и ждешь —
Я косы живо заплету,
Готова буду вмиг!





НАЧАЛО РАДОСТНЫХ ПЕСЕН

1



веток мех-мех вплетаю в свой венок.
Как полный мех уравновешен мехом,
Так сердце у меня в ладу с твоим;
И, волю дав ему, лежу в твоих объятьях.

Мое желанье — снадобье для глаз:
При взгляде на тебя они сияют!
Я нежно льну к тебе, любви ища,
О мой супруг, запечатленный в сердце!

Прекрасен этот час!
Пусть он продлится вечность,
С тех пор, как я спала с тобой,
С тех пор, как ты мое возвысил сердце.

Ликует ли, тоскует ли оно —
Со мной не разлучайся!

2

В моем венке — вьюнок.
Я вью венки — твой юный лоб венчать.

Ведь я тебе принадлежу,
Как сад,
Где мной взлелеяны цветы
И сладко пахнувшие травы.

Ты выкопал прохладный водоем,
И северного ветра дуновенье
Приносит свежесть,
Когда вдвоем гуляем у воды.

Рука моя лежит в руке твоей.
По телу разливается блаженство,
Ликует сердце.
Мы идем бок о бок...

Мне голос твой — что сладкое вино.
Я им жива.
Еды с питьем нужнее мне
Твой взгляд.





[ДЕРЕВЬЯ ЕЕ САДА]

1.

Говорит гранатник:

Ряд ее зубов за образец
Я избрал для зерен, а примером
Для плодов — ее грудей округлость.
Я листвою красуюсь круглый год.

Под моим шатром чета влюбленных,
Умощенных маслом и бальзамом,
От вина и браги охмелев,
В знойный день приют себе находит.



Соблюдая года времена,
Осыпаются деревья сада.
Я, не увядая, зеленею
Все двенадцать месяцев подряд.

Не успеет облететь мой цвет —
На ветвях уже набухли почки.
Дерево я первое в саду!
Мало чести мне вторым считаться.

На себя пеняйте, если впредь
Вы меня осмелитесь унижить!
Я уловки ваши обнаружу:
Пусть в глаза бросается обман!

Милая получит по заслугам,
И — жгутом из голубых и белых
Лотосов — любимого проучит,
Выместит на нем свою досаду.

Заточит его по обвиненью
В опьяненье пивом всех сортов;
Взаперти заставит провести
День любви в беседке тростниковой.

— Что и говорить, гранатник прав!
Улестим как следует его,
Чтоб на целый день под ним укрыться!

Г о в о р и т
с м о к о в н и ц а :

Вот блаженство — ей повиноваться!
Среди знатных женщин равной нет!
Если мало у нее рабынь,
Я могу пойти к ней в услуженье.

Уроженку Сирии — меня
Привезли, как пленницу, влюбленным.
Было госпоже моей угодно,
Чтобы я росла в ее саду.

Сами наслаждаясь опьяненьем,
Мне вина не жертвуют ни капли.
Из мехов прохладною водой
Тела моего не наполняют.

Тень моя нужна им для утех
Только в день, когда они не пьют.
О прекрасная, клянусь душой,
Будет за меня тебе отмщенье!

Заговорил маленький сикомор,
посаженный ее рукой:

Шелест листвы сикомора
Запаху меда подобен.
Пышные ветви его
Свежестью взор веселят.

Грузно свисают плоды,
Яшмы краснее.
Листья под стать бирюзе,
Лоском поспорят с глазурью.

Ствол будто выбит из камня
Серого с голубизной.
Манит к себе сикомор,
В зной навевая прохладу.

Владелица сада
Любимому пишет письмо
И дает отнести
Быстроногой садовника дочке:
«Приходи погостить в окруженье подруг!»

Деревья в роскошном цвету.
Шатер и беседка
Тебя дожидаются здесь,
И домочадцы, как мальчики, рады тебе.

Нагруженных пожитками слуг
Выслать вперед поспеши.
Предчувствие встречи с тобой
Пьянее вина.

Челядь сосуды несет
С пивом различных сортов,
Хлебы и овощи,
Пряные травы, плоды в изобилье.
О, приходи провести
Три усладительных дня под моими ветвями!

Друга сажают
По правую руку прекрасной.
Она опьяняет его
И покорна ему.
Где стояло хмельное — гости хмельные лежат.
Она остается с любимым.

Обыкновенье у них —
Уединяться под сенью моей.
Что видел — то видел... Но я не болтлив
И не обмолвлюсь об этом ни словом.





НАЧАЛЬНОЕ СЛОВО
ВЕЛИКОЙ ПОДАТЕЛЬНИЦЫ РАДОСТИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Одна несравненная дева
Желаннее всех для меня,—
Та, что блистает под стать Новогодней звезде
В начале счастливого года.

Лучится ее добродетель,
И светится кожа ее.
Взгляд упоителен, сладкоречивы уста,
Без пустословья.



Горделивая шея у ней над сверкающей грудью.
Кудри ее — лазурит неподдельный.
Золота лучше — округлые руки ее!
С венчиком лотоса могут сравниться персты.

Поступь ее благородна,
А стройные бедра
Словно ведут на ходу спор об ее красоте.
Сердце мое похищает она, величаво кивнув.

Встречных мужей вынуждает она обернуться
И вслед поглядеть непременно.
Кому улыбнется — счастливец,
Средь юношей равных — избранник!

Ей стоит лишь из дому выйти —
И люди ее, как богиню, приветствуют —
с первого шага.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Два слова промолвит мой Брат, и заходится сердце.
От этого голоса я, как больная, брожу.
Наши дома — по соседству, рукою подать,
Но к нему я дороги не знаю.

Было бы славно, вступишь моя мать в это дело.
Она бы ему запретила глазеть на меня.

Силится сердце о нем позабыть,
А само любовью пылает!

Вот он какой бессердечный!
Его я желаю обнять, а ему невдомек.
Хочу, чтоб у матери выпросил в жены меня,
А ему невдогад.

Если тебе Золотою заступницей женщин
Я предназначена, Брат,
Приходи, чтобы я любовалась твоей красотой,
Чтобы мать и отец ликовали,

Чтобы люди чужие тобой восхищались,
Двойник мой прекрасный!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Три сердечных желанья слились у меня воедино:
Храм посетить, Золотую увидеть и ей помолиться.
В колеснице попался мне Мэхи,
Юношами окруженный своими.

Как разминуться теперь?
Как без помехи пройти?
Дорога подобна реке:
Твердь из-под ног ускользает.

Неискушенное сердце мое!
Зачем ты меня подстрекаешь противиться Мехи?
Не лучше ли, с ним поравнявшись,
Обнаружить свою благосклонность?

«Я — для утехи твоей!» — намекнуть,
И он поместит меня в главном покое,
Где содержится свита его.
На радостях имя мое возвеличит он трижды.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Раза в четыре быстрее колотится сердце,
Когда о любви помышляю.
Шагу ступить по-людски не дает,
Торопливо на привязи скачет.

Ни тебе платье надеть,
Ни тебе взять опахало,
Ни глаза подвести,
Ни душистой смолой умаститься!

О милом подумаю — под руку так и толкает:
«Не медли, не мешкай! Желанной меты добивайся!»
Ты опрометчиво, сердце мое!
Угомонись и не мучай меня сумасбродством.

Любимый придет к тебе сам,
А с ним — любопытные взоры.
Не допускай, чтобы мне в осужденье сказали:
«Женщина эта сама не своя от любви!»

При мысли о милом терпеливее будь, мое сердце:
Бейся, по крайности, медленней раза в четыре!

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Пять славословий вознес я Владычице неба,
Перед богиней Хатор Золотой преклонился.
Всевластной вознес я хвалу,
Благодарности к ней преисполнен.

Мою госпожу побудила, внимая мольбам,
Проведать меня Золотая.
Счастье безмерное выпало мне:
Сестра посетила мой дом!

Восторг, ликование и гордость
Мной овладели, когда услышал я: «Гляди, она здесь!»
При ее появлении, любовью великой пылая,
Юноши молча склонились.

Я воскурил благовонья Владычице неба
И любимую в дар получил на три дня.
Божественным именем я заклинал, но она удалилась.
Теперь в одиночестве пятые сутки живу.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Шесть локтей отделяли меня от распахнутой двери,
Когда мне случилось пройти мимо дома его.
Любимый стоял подле матери, ласково льнули
Братья и сестры к нему.

Невольно прохожих сердца́ проникались любовью
К прекрасному мальчику, полному высших достоинств,
К несравненному юноше,
Чье благородство отменно.

Когда проходила я мимо,
Он бегло взглянул на меня.
Взгляд уловив,
Я ликовала душой.

Хочу, чтобы мать умудрилась раскрыть мое сердце.
О Золотая, не медли,— уменьем таким
Сердце ее надели!
И войду я к любимому в дом.

Его на глазах у родни поцелую.
Не устыжусь и чужих.
Пусть их завидуют люди,
Что любимый познаёт меня!

Справлю я праздник богини своей.
О, как порывисто мечется сердце в груди!
«Позволь мне, скажу, Золотая,
На Брата глядеть шесть ночей напролет!»

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Семь дней не видал я любимой.
Болезнь одолела меня.
Наполнилось тяжестью тело.
Я словно в беспамятство впал.

Ученые лекари ходят —
Что пользы больному в их зелье?
В тупик заклинатели стали:
Нельзя распознать мою хворь.

Шепните мне имя Сестры —
И с ложа болезни я встану.
Посланец приди от нее —
И сердце мое оживет.

Лечебные пóбоку книги,
Целебные снадобья прочь!
Любимая — мой амулет:
При ней становлюсь я здоров.

От взглядов ее — молодею,
В речах ее — черпаю силу,
В объятиях — неуязвимость.
Семь дней глаз не кажет она!





[ТРИ ЖЕЛАНИЯ]

1

Оторопись к Сестре,
Подобно посланцу,
Вестей которого в нетерпенье ждет царь,
Потому что он желает узнать их как можно скорее.

Для него запряжены все упряжки,
Для него приготовлены лошади,
Всюду, где он находится, закладывают для него
колесницы,
Он не должен отдыхать в дороге.

Кто достигает дома Сестры,
Сердце того начинает ликовать.

Ах, если бы ты примчался ко мне.
Как царский конь,
Выбранный из тысячи упряжек,
Украшение царских конюшен.

Его кормят отборным зерном,
Хозяин узнает его поступь;
Когда он слышит свист хлыста,
Его нельзя удержать.

Лучший возница
Не может обогнать его.
Сердце Сестры знает,
Когда он недалеко от нее.

Ах, если бы ты устремился к Сестре,
Подобно газели, мчащейся через пустыню;
Ноги ее устали, тело ее ослабело,
Всю ее охватил страх.

Охотники гонятся за ней, собаки окружили ее,
Она не видна в облаке пыли,
Место отдыха — только помеха в ее бегстве,
А река стелется дорогой перед ней.



Пусть ты достигнешь ее обителища
Быстрее, чем твою руку четырежды поцелуют.
Ты ищешь любви Сестры,
Потому что Золотая так велела, друг мой.





НАЧАЛО СЛАДОСТНЫХ,
НАЙДЕННЫХ В ПИСЬМЕНАХ РЕЧЕНИЙ,
НАЧЕРТАННЫХ ПИСЦОМ
НЕКРОПОЛЯ НАХТ-СОБЕКОМ

1

Если ты придешь с этим к дому Сестры,
Если ты устремись к обиталищу ее,
Жилище ее станет иным,
Украшившись песнями и танцами.
Вдобавок дай ей вина.

Тогда ты победишь ее хитрость
И вознаградишь ее за ночь.
И она скажет тебе: «Заклучи меня в свои объятия!»
И завтра сделай так же.

2

Когда ты приносишь песни во двор к Сестре,
Если ты один и рядом нет никого,
Ты поступаешь по своему желанию на ее празднике.
Ветер колеблет гирлянды на стене.

Небо опускается на воздух, воздуху не удержать его,
Небо приносит тебе свой запах,
Одуряющий запах,
Опьяняющий всех вокруг.

Смотри, Золотая одаряет тебя,
Вкуси жизнь свою.

3

Хорошо умеет бросать петлю Сестра,
Не заботясь об уплате налога на скот.
Она накидывает на меня петлю из своих волос,
Она притягивает меня своими глазами,
Она опутывает меня своими ожерельями,
Она ставит на мне клеймо своим перстнем.

4

Почему говоришь ты своему сердцу:
«К ней влечет меня, жажду обнять ее!»
Клянусь Амоном, я приду
И одежду принесу в руках.

5

Я нашла Брата у воды,
 Ноги он опустил в реку.
 Перед ним был праздничный поднос с едой
 и вином,
 Похожий на грудь мою.

6

Вот что сделала со мной Сестра.
 Должен ли я молчать об этом?
 Она оставила меня у дверей своего дома,
 А сама ушла вовнутрь.
 Она не сказала мне: «Войди ты, красивый».
 Она была глухой сегодня ночью.

7

Ночью я проходил мимо ее дома.
 Я постучал, но мне не открыли —
 Превосходная ночь для привратника.
 О засов, я хочу отомкнуть тебя!

Дверь! Ты судьба моя,
 Ты мой добрый дух.
 Там, внутри, для тебя зарежут быка.
 В жертву твоему могуществу, о дверь!

На закланье принесут длиннорогого быка —
тебе, дверь!

Короткорогого быка — тебе, замок!

Жирного гуся — вам, петли!

Жир — тебе, ключ!

Самые лакомые куски быка —

Подмастерьям плотника.

Чтоб он сделал засов из тростника,

А дверь из соломы.

Пусть приходит Брат, когда захочет,

Он найдет дом открытым,

Он найдет постель, покрытую лучшим полотном,

И прекрасную девушку в этой постели.

И девушка скажет мне:

«Дом принадлежит правителю города».





[У РЕКИ]

1

Сестра — на другом берегу.
Преграждая дорогу любви,
Протекает река между нами.
На припеке лежит крокодил.

Вброд я иду по волнам,
Пересекая течение.
Храбрости сердце полно.
Тверди подобна река.

Любовь укрепляет меня,—
Как от воды заклинанье,
Пропетое девой.
Я вижу ее приближенье — и руки простер.

Сердце взыграло,
Как бы имея вечность в запасе.
Царица моя, подойди,—
Не медли вдали от меня!

2

Ее обняв, я ощущаю
Ответное объятие рук ее,
Напоминающее негу Пунта,
Смолою благовонной умащенье.

3

Когда от поцелуя моего,
Помедлив, разомкнутся
Ее уста —
Я опьянен без хмеля.

4

Когда наконец уготовишь ты ложе, слуга?
Говорю я тебе:
Покров из виссона возьми, чтобы тело ее облегал.
Только не вздумай царское класть полотно!
Простого — белёного — остерегайся подалее!
Тканью, что миррой пропитана, ложе укрась для нее.



5

Быть бы мне черной рабыней,
Мойщицей ног!
Мог бы я вволю
Кожей твоей любоваться.

6

Рад бы стиральщиком стать я
На один-единственный месяц:
Платья твои отмывать
От бальзама и мирры душистой.

7

Быть бы мне перстнем с печатью на пальце
твоем!
Ты бы меня берегла,
Как безделушку,
Из тех, что жизнь улаждают.





[ФРАГМЕНТЫ]

1

Целый день я молю мою госпожу:
Не будь мне врагом!
О госпожа моя, не заставляй,
Не заставляй меня ждать.

Я не могу сдержать мою лошадь,
В ее теле — буря.
Но я еще могу править,
Лежа поверженный в колеснице.

2

Госпожа моя отплывает в страну опьянения,
На остров из чистейшего золота.
Не жертвуй Мехи во имя любви,
Скажи, что мы пробудем там целый день.

3

О, прекрасный день, день чудесного опьянения,
Я проведу этот день рядом с ним,
Не покидая его,—
Пусть бушует ветер.

Я обращаюсь к своему сердцу:
«Почему сердца любят его?
Я отдана тебе
Силою моей любви».
Мой голос охрип от слов:
«Да будет Мехи жив и невредим,
Он в своем доме!»





[ВЕТЕР]

Приходит ветер — и слетает к сикомору,
Приходишь ты — спешишь ко мне... !





[ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЬ]

А любовь твоя — птицы любовь.
Облик твой — отрока облик.
Благоуханье твое — благоуханье бальзама.
Кожу твою уподоблю коже нежной плода.
Жизненной силе зерна жизнь уподоблю твою.
Восходящее солнце — твой лик.
Веселости полон твой взор.
Руки свои простираешь и раскрываешь уста
Для восхваления Ра, отрок божественный!
Есть на тебе отпечаток владыки Гермополя.
Сие начертал Амоннехт, сын Йпуи.





[ЖРИЦА ХАТОР]

Сладостная, сладкая любовью, говорит жрица Хатор
Мутирдис;
Сладостная, сладкая любовью, говорит царь
Менхеперра.

Госпожа, сладостная любовью, говорят мужчины.
Повелительница любви, говорят женщины.

Царская дочь, сладостная любовью,
Прекраснейшая из женщин.
Отроковица, подобной которой никогда не видели,
Волосы ее чернее мрака ночи.

Уста ее слаще винограда и фиников.
Ее зубы выровнены лучше, чем зерна.
Они прямее и тверже зарубок кремневого ножа.
Грудь ее стоит торчком на ее теле...





[ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ]

1

Мы будем с тобою вместе,
И бог разлучить нас не сможет.
Клянусь, что я с тобой не расстанусь
До тех пор, пока не наскучу тебе.

Отныне пребудем свободными от труда,
И дурного с нами не будет.
Мы удалились в страну вечности,
Чтоб наши имена не были позабыты.

Прекрасно время,
Когда сияние солнца видно
Вовеки и когда оно царит
Над гробницами.

2

Ах, вечно ты пребываешь здесь
И остаешься постоянно,
Я вижу тебя день изо дня,
Я не могу расстаться с тобою.

В радостном сердце моем — ликование,
Когда вспоминаю тебя вновь молодым.
И рассказываю детям, по обыкновению,
Непрестанно об отце и матери.





[ХВАЛА ЛЮБЯЩЕЙ СУПРУГЕ]

А любимая мужем супруга, влекущая, сладостная любовью,
С чарующими устами и приятной речью.
Все, что исходило из ее губ, было подобно творению
Истины.

Женщина превосходная, восхваляемая в своем городе,
Всякому протягивает она руку помощи,
Говорит хорошее и рассказывает то, что любят слышать,
Творит то, что нравится людям,
Уста ее не породили никакого зла.
Все любят ее, Ренпетнефрет.





[ИЗ ПОУЧЕНИЙ ПТАХОТЕПА]

1

Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых —
У неискушенных совета ищи.
Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть вершин мастерства?
Как изумруд, скрыто под спудом разумное слово.
Находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно.

2

Если дружбой дорожишь
Ты в дому, куда вступаешь
Как почтенный гость иль брат —
Обходи с опаской женщин!

Не к добру сближенье с ними.
Раскусить их мудрено.
Тьмы людей пренебрегли
Ради них своею пользой.

Женских тел фаянс прохладный ослепляет,
обольщает,
Чтобы тотчас превратиться в пламенеющий
сардобникс.
Обладанье ими — краткий сон.
Постиженье их — подобно смерти!

3

Если ты склонен к добру, заведи себе дом.
Как подобает, его госпожу возлюби.
Чрево ее насыщай, одевай ее тело,
Кожу ее умащай благовонным бальзамом,
Сердце ее услаждай, поколе ты жив!
Она — превосходная пашня для своего господина.





[ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ]

Привет тебе, Ра-Горахути, отче богов,
Привет вам, Семь Хатор,
Вам, украшенным алыми повязками!
Привет вам, боги,
Владыки небес и земли!
Пусть она, дочь его, будет следовать за мной,
Словно бык за кормом.
Словно служанка за детьми,
Словно пастух за стадом.
Если вы не принудите ее следовать за мной,
Я напушу огонь на Бусирис
И спалю его.







[ПРАЗДНИК В САДУ]



рими цветок лотоса из твоего сада,
Его не отняли у тебя.
Пусть несет он тебе всякие дары
И плоды, созревающие в нем,
Чтобы ты мог утешиться его лакомствами
И насладиться его приношеньями.
Сердце твое освежают цветы сада.
Тело твое охлаждает тень его деревьев.
Во веки веков ты будешь делать то, чего пожелает
твое сердце.





[ПИРШЕСТВО]

1

Ке желает ли Истина
В сердце своем опьянения?

2

Умасти миррой локоны Истины —
Пусть благополучие и здоровье будут с ней.

3

О, приди, северный ветер,
Я высматривал тебя,
Когда был в богине.





РАЗДУМЬЯ



[СПОР РАЗОЧАРОВАННОГО
СО СВОЕЙ ДУШОЙ]

ПЕРВАЯ ЖАЛОБА

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как птичий помет
В летний полдень, когда пылает небо.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как рыбы отбросы
После ловли, под небом раскаленным.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как утиное гнездовье
В тростниках на болоте гнилотворном.



Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как болотная тина,
Как рыбачьи отрепья и невод.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как дыханье крокодила,
Как житье с крокодилами в соседстве.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как напраслина, которой
Очернили жену перед мужем.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как навет непристойный
На отрока, чистого сердцем.

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, словно город-изменник,
Что задумал от царства отложиться.

ВТОРАЯ ЖАЛОБА

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели.

Кому мне открыться сегодня?
Алчны сердца,
На чужое зарится каждый.

Кому мне открыться сегодня?
Раздолье насильнику,
Вывелись добрые люди.

Кому мне открыться сегодня?
Худу мирволят повсюду,
Благу везде поруганье.

Кому мне открыться сегодня?
Над жертвой глумится наглец,
А людям потеха — и только!

Кому мне открыться сегодня?
У ближнего рады
Последний кусок заграбастать!

Кому мне открыться сегодня?
Злодею — доверие,
Брата — врагом почитают.

Кому мне открыться сегодня?
Не помнит бывшего никто.
Добра за добро не дождешься.

Кому мне открыться сегодня?
Друзья очерствели,
Ищи у чужих состраданья!

Кому мне открыться сегодня?
Потуплены взоры,
От братьев отвернуты лица.

Кому мне открыться сегодня?
В сердцах воцарилась корысть.
Что толку — искать в них опоры?

Кому мне открыться сегодня?
Нет справедливых,
Земля отдана криводушным.

Кому мне открыться сегодня?
Нет закадычных друзей,
С незнакомцами душу отводят.

Кому мне открыться сегодня?
Нету счастливых,
Нет и того, с кем дружбу водили.

Кому мне открыться сегодня?
Бремя беды на плечах,
И нет задушевного друга.

Кому мне открыться сегодня?
Зло наводнило землю,
Нет ему ни конца, ни края.

ТРЕТЬЯ ЖАЛОБА

Мне смерть представляется ныне
Исцеленьем больного,
Исходом из плена страданья.

Мне смерть представляется ныне
Благовонною миррой,
Сиденьем в тени паруса, полного ветром.

Мне смерть представляется ныне
Лотоса благоуханьем,
Безмятежностью на берегу опьяенья.

Мне смерть представляется ныне
Торной дорогой,
Возвращеньем домой из похода.

Мне смерть представляется ныне
Небес проясненьем,
Постижением истины скрытой.

Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.

ЧЕТВЕРТАЯ ЖАЛОБА

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет живым божеством,
Творящим возмездье за зло.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в ладье солнечной плыть,
Изливая оттуда благодать, угодную храму.

Воистину, кто перейдет в загробное царство —
Будет в числе мудрецов, без помехи
Говорящих с божественным Ра.





ПЕСНЬ ИЗ ДОМА УСОПШЕГО ЦАРЯ АНТЕФА,
НАЧЕРТАННАЯ ПЕРЕД ПЕВЦОМ С АРФОЙ

Процветает он, этот добрый властитель,
Прекрасный конец настиг его.
Одни поколения проходят, а другие продолжают
существовать

Со времен предков.
Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди
Тоже погребены в своих пирамидах.
Они строили дома —
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Смотри, что случилось с ними.

Я слышал слова Имхотепа и Джедефгора,
Слова, которые все повторяют.
А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Словно никогда их и не было.
Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потому утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовленьях к твоему просветленью.
Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовоньями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство.
Не давай обессилеть сердцу.
Следуй своим желаньям и себе на благо.
Свершай дела свои на земле
По веленью своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакиванья.

Утомленный сердцем не слышит их криков и
воплей,

Причитания никого не спасают от могилы.

А потому празднуй прекрасный день

И не изнурай себя.

Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.

Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.





[ПОХВАЛА СМЕРТИ]

Благолюбивые духи, Гелиополя девять богов!
Услышьте похвальное слово «Отцу божества».
Был он саном возвышен и безупречен душой.
В Городе Вечности он сопричислен к бессмертным
богам.

Вы печетесь о судьбах
Посетителей этой гробницы.
Мне песни известны, что издревле зывают со стен
усыпальниц,
Бытие восхваляя земное, обители вечной в ущерб.

Зачем они сводят на нет славу загробного мира,—
Страны справедливой, блаженной, где страху нет места,
Обитатели упокоенья, чьим жильцам омерзительны распри,
Где нечего ближних бояться, ибо нету вражды в этом крае?

Наши предки покоятся там со времен мирозданья.
Из тех, что родятся на свет во множестве неисчислимом,
Не осядет в Египте никто:
В Городе Вечности всем поголовно приют уготован.

Разве долго продлится пора гостеванья земного?
Время, как сон, промелькнет,
И «Добро пожаловать!» — скажут
В полях Заката пришельцу.





[ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПИСЦОВ]

Мудрые писцы
Времен преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,
Их имена сохраняются навеки.
Они ушли, завершив свое время,
Позабыты все их близкие.

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.



Писания становились их жрецами,
А палетка для письма — их сыном.
Их пирамиды — книги поучений,
Их дитя — тростниковое перо,
Их супруга — поверхность камня.
И большие и малые —
Все их дети,
Потому что писец — их глава.

Построены были двери и дома, но они
разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книге возводит дома и пирамиды в
сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина.

Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

Есть ли где-нибудь кто-то, подобный Джедефгору?
Есть ли кто-то, подобный Имхотепу?
Нет среди нас такого, как Нефри
И Хетти, первого из всех.
Я напому тебе имя Птахемджхути
И Хахеперра-сенеба.
Есть ли кто-нибудь, подобный Птахотепу
Или Каресу?
Мудрецы, предрекавшие будущее, —
Вышло так, как говорили их уста.
Это написано в их книгах,
Это существует в виде изречения.
Их наследники — дети разных людей,
Как будто все они — их собственные дети.

Они скрыли свое волшебство от людей,
Но их читают в наставлениях.

Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.





[ПОМИНКИ]

1

Слуга, обращаясь к дочери умершего Пахери — Аменсат, отклоняющей чару с вином, говорит:

«Во здравье твоей души пей допьяна.
Отпраздную прекрасный день!
Слушай речь твоей подруги:
Не отклоняй того, что тебе дают».

Родственница Пахери — Нумбехи

просит:

«Принеси мне восемнадцать кубков вина.
Видишь, я хочу допьяна напиться,
Внутренности мои сухи, как солома».

Кормилице Сенсенбет

отвечает слуга:

«Пей и не отказывайся,
Смотри, я не отстану от тебя».

Другая кормилица

добавляет:

«Пей и не порти праздника.
И дай кубку дойти до меня,
Властитель дал его для питья».

2

Опьянения не чуждайся.

Пей и праздный день счастливый.

Проживешь свой век в довольстве,

В благоденствии, покуда

В Город Вечности не вступишь,

По себе оставив память.

Там родня пришельца встретит,

Примет с миром

И обнимет.



[ТОСКА ПО МЕМФISУ]

Видишь, сердце мое убежало тайком
И помчалось к знакомому месту.
Заспешило на юг, чтоб увидеть Мемфис.
О, когда бы хватило мне силы сидеть,
Дождаясь его возвращенья, чтоб сердце
Рассказало, что слышно у Белой стены!

Я беспомощен, все выпадает из рук,
Потому что нет сердца на месте обычном.
Приходи ко мне, Пта, и в Мемфис отнеси.
Неотрывно дозвошь мне глядеть на тебя.

Целый день мое сердце в мечтанье,
А в груди моей нет больше сердца.

Злым недугом охвачены все мои члены,
Слух закрылся мой, очи устали глядеть,
Все слова исказились и голос охрип.
О, будь милостив, дай до него мне добраться.





[СЛОВО О СБОРЕ
ВИНОГРАДА]

О погляди на свои виноградники,
Наш повелитель, и сердцем возрадуйся!
Сок выжимают ногами давильщики.
Лозы увешаны крупными гроздьями.

Ягоды, соком обильнее прежнего,
Сердце твое усладить предназначены.
Ты в опьяненье себе не отказывай,
Пей, предавайся утехам и радостям!

Время приметно склоняется к вечеру.
Спелые кисти подернулись росами.
Ягоды выжать спешат виноградари,
Сусло в сосудах несут повелителю.

Пей, господин, божеству в прославление.
Всякое благо богами даровано.
Доброму духу, садов покровителю,
Ты соверши возлиянье и вымоли
В новом году нам вина изобилие.

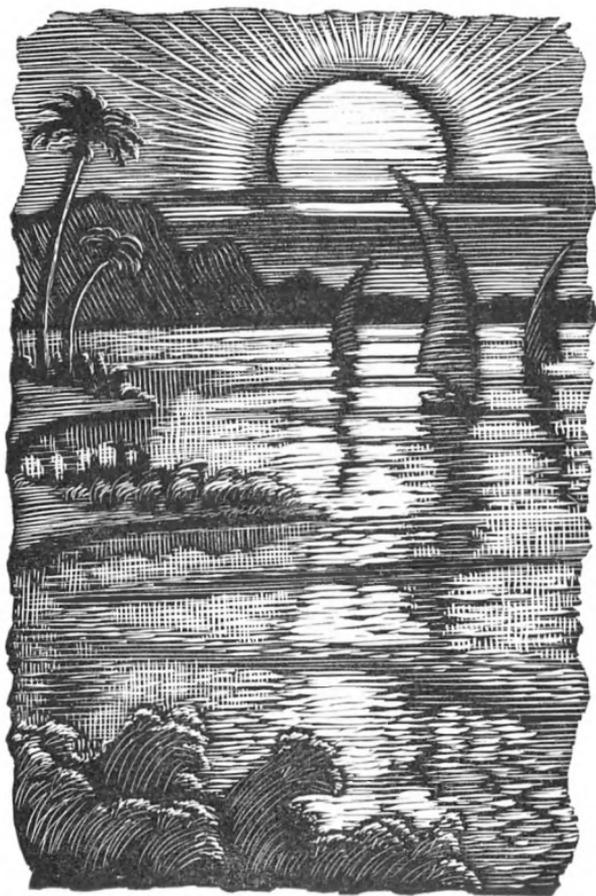




[НАДПИСЬ НА ПАЛКЕ]

Вперед, моя трость!
На тебя опираюсь,
Правды стезю избрав для прогулок своих;
Здесь и состарился я.





ГИМНЫ И ПЛАЧИ



ВОСХВАЛЕНИЕ НИЛА

1



лава тебе, Хапи!

Ты пришел в эту землю,

Явился, чтоб оживить Египет.

Бег его таится, подобно мраку

Среди дня, когда слуги его воздают хвалу ему.

Он орошает поля, созданные Ра,

Чтобы дать жизнь каждой козе;

Он поит и пустыню и сушь —

Ведь это его роса падает с неба;

Он любит землю,

Он правит Непра,

Он дарует процветание ремеслам Пта.

2

Владыка рыб, повелевающий им подниматься к порогам,
 Нет птиц, кружащихся над теми,
 Кто сеет зерно и собирает полбу.

Когда же пальцы его пребывают в лени, а ноздри
 закупорены,

Нищают все люди.

Когда случается так, скудеет небо богов

И гибнут люди целыми народами.

3

Когда случается самое страшное, вся земля в бедствии,
 Гибнут и большие и малые.

Но собираются в толпы люди при приближении его.

Когда Хнум сотворил его,

Когда появляется он — и земля ликует,

Всякая тварь радуется,

Каждый позвонок хохочет

И все зубы обнажаются в смехе.

4

Приносящий пищу, богатый едою,

Творящий прекрасное.

Владыка силы, благоуханный,

Тот, кому радуются,

Кто родит траву стадам,

Кто сердцем помнит о жертвах богу,

Пребывающему под его покровительством,
Где бы ни был он: в преисподней, в небесах или
на земле.

Он держит в своей власти Обе Земли,
Он наполняет житницы, и насыпает груды зерна,
И отдает добро беднякам.

5

Одаряющий деревья цветением,
Рождающий деревья в изобилие
Для всех, кто желает их видеть.
Строящий суда своей мощью,
Возлагающий на статуи белый венец
Без стараний каменотесов.
Незримый,
Он не держит слуг и сборщиков налогов.
Тайны сути его — непостижимы,
Никто не знает места, откуда он,
И, читая писания, не найти его пещеры.

6

Нет таких житниц, чтоб вместили твои дары,
Никому не дано повелевать твоим сердцем.
Тебе радуются юноши твои и дети твои.
Тебе воздают почести, как царю.

Законы при тебе неколебимы.
Ты выходишь у Верхнего и у Нижнего Египта.
Каждый пьет очами воду твою.
Всем сердцем стремишься ты умножить прекрасное.

7

Когда о тебе возвещает глашатай,
Радость выходит наружу, каждое сердце веселится.
Крокодилы беременны, у Нейт начинаются роды.
Все твои девять богов Гелиополя — прекрасны.
Всходы на полях подобны излишкам чревоугодия.
Урожай делает людей сильными,
Одного насыщает, другого услаждает,
И нет между ними спора.
Готовящий дары кому-то, никого нет с ним рядом.
Люди ставят ему границы.

8

Всё освещающий, выходящий из мрака,
Тучность стад своих,
Мощь, творящая всё.
Нет среди живущих никого, кто бы не знал его.
Одаряющий людей, чтобы они выполняли его
намерения,

Сердцем обращенный к работе на поле
И вечером ласкающий свои поля.
Друг Пта,
Трудящийся с ним вместе,
Творец божественных писаний
И всего в Нижнем Египте.

9

Тыходишь с журчащей речью в середину земли,
Желанный, расстающийся с тайной.
Когда ты гневаешься, исчезает рыба,
Тогда ждут люди большой воды,
Тогда богатый подобен бедняку.
Тогда заметен всякий, идущий на поля с орудиями,
И нет друга, оставшегося ради друзей.
Нет тканей, чтобы одеться.
Нет украшений для детей из знатных семей.
Нет никого, ночью слышащего воду.
И нет в речах желанной прохлады.
Все люди умащивают кожу
На радости, что начинается половодье.

10

Утверждающий истину, которой алчут люди,
В изреченье: «Пребывай в готовности до тех пор,
Пока тебе ответят».

Тогда ответит о Ниле Великое зеленое море.
Знатные следуют за бедняками,
Непра правит живущими,
Ему воздают хвалу боги.
Нет птиц, слетающихся из пустыни.
Руки твои помнят золото,
Когда льют серебро в формы.
Никто не ест лазурит,
Когда созревает зерно.

11

Для тебя звучит арфа,
Тебе рукоплещут.
Юноши твои и дети твои радуются тебе
И достойно воздают тебе, когда наступает урожай.
Когда приносит он ценности,
Земля украшается.
Суда его несут людям прибыль.
Он, дающий жизнь сердцам беременных,
Любящий бесконечные стада свои.

12

Когда вступаешь ты в город,
Торжествует владелец прекрасных вещей,
Бедняк говорит: «О, если бы был у меня лотос!»

Процветай же,
Дарами полей
Оживляющий людей и скот.
Процветай же, процветай же, Хапи,
Процветай, процветай, ты, прекрасный дарами.

Доведено до конца благополучно в мире
Трудами писца обоих домов серебра Кагабу.





ГИМН СОЛНЦУ

Великолепно твое появление на горизонте,
Воплощенный Атон, жизнетворец!
На небосклоне восточном блистая,
Несчетные земли озаряешь своей красотой.
Над всеми краями,
Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко.
Лучами обняв рубежи сотворенных тобою земель,
Ты их отдаешь во владенье любимому сыну.
Ты — вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.
На лицах людей твой свет, но твое приближение скрыто.
Когда исчезаешь, покинув западный небосклон,
Кромешною тьмою, как смертью, объята земля.
Очи не видят очей.
В опочивальнях спят, с головою закутавшись, люди.
Из-под их изголовья добро укради — и того не заметят!

Рыщут голодные львы.
Ядовитые ползают змеи.
Тьмой вместо света повита немая земля,
Ибо создатель ее покоится за горизонтом.
Только с восходом твоим вновь расцветает она.
Подобно Атону, сияешь на небосклоне,
Мрак разгоняя лучами.
Празднуют Верхний и Нижний Египет
Свое пробужденье.
На ноги поднял ты обе страны.
Телá освежив омовеньем, одежды надев
И воздев молитвенно руки,
Люди восход славословят.
Верхний и Нижний Египет берутся за труд.
Пастбищам рады стада.
Зеленеют деревья и травы.
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахом крыла явленье твое прославляя.
Скачут, резвятся четвероногие твари земные.
Оживают пернатые с каждым восходом твоим.
Корабельщики правят на север, плывут и на юг.
Любые пути вольно выбирать им в сиянье денницы.
Перед лицом твоим рыба играет в реке.
Пронизал ты лучами пучину морскую.
Жизнью обязан тебе рожденный в женщине плод.
В жилы вливаешь ты кровь,
Животворишь в материнской утробе младенца.

Во чреве лежащего, ты насыщаешь его.
Даром дыханья ты наделяешь творенья свои.
Когда покидает утробу дитя, чтобы жить,
Новорождённому ты раскрываешь уста,
О его пропитанье печешься.
Даже птенцу в скорлупе дыханье даруешь.
Коль скоро ты лепку его завершишь,
Скорлупу он, окрепнув, расколет
И, лапками переступая,
Поспешит объявить о своем появлении на свет.
Нет числа разноликим созданиям твоим.
Многообразие их скрыто от глаз человека.
Ты — единственный творец, равного нет божества!
Землю ты создал по праву себе.
В единстве своем нераздельном ты сотворил
Всех людей,
Всех зверей,
Всех домашних животных —
Всё, что ступает ногами по тверди земной,
Всё, что на крыльях парит в поднебесье.
В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте
Тобой предначертано каждому смертному место его.
Ты утоляешь потребности и нужды людей.
Каждому — пища своя, каждого дни сочтены.
Их наречья различны,
Своеобычны обличья, и нравы, и стать,
Цветом кожи несхожи они,



Ибо ты отличаешь страну от страны и народ от народа.
Ты Нил зародил в преисподней
И вывел на свет из-под спуда по воле своей,
Чтоб его животворную силу отдать человеку,
Поскольку и люди — созданыя твои.
Ты — их повелитель и трудишься с ними совместно.
Ты — миродержец, озаряющий дальние земли сияньем
своим.

Ты — дневное светило, Атон всемогущий.
Ты — жизни источник для множества стран и народов.
Великому Нилу ты дал в небесах уместиться.
Над горными кряжами ходят волны его,
Под стать исполинскому морю,
И поливают пажити возле селений.
Вечность подвластна тебе, мудрости полон твой
промысл.

Влагой небесного Нила ты одаряешь
Людей и животных повсюду в краях чужедальних.
А подлинный Нил между тем истоки берет в преисподней
На благо Египту, возлюбленной богом стране.
Лучами твоими любое взлелеяно поле.
Восходишь — и всходят побеги во славу тебе.
Каждому времени года установил ты черед
На пользу твореньям своим:
Зиме — чтобы их освежала,
Лету — чтоб лучше познали тебя.
Свод небесный ты создал — блистать в нем

И созерцать с вышины деянья свои.
Ты един!
В обличье живого Атона
Ты восходишь и светишь, далекий, но близкий,
Мириады явлений в единстве своем совмещая.
В городах и селеньях, на нивах, на сухопутье и водных
дорогах
Каждое око глядит на тебя,
Горний Атон, с вышины озаряющий землю.
Но познал тебя и постиг
В целом свете один Эхнатон, твой возлюбленный сын.
В свой божественный замысел ты посвящаешь его,
Открываешь ему свою мощь.
Землю десница твоя так сотворила:
Восходишь — и всё оживает,
Заходишь — и всё умирает.
Ты — жизни мерило и первопричина ее.
Прекрасным любитесь глаз, пока твой закат не настанет.
На западе скроешься ты — и всякой работе конец.
С новым восходом твоим
Всё для царя расцветает.
Так ведется со дня мирозданья,
Когда землю ты сотворил и возвелчил ее
Во имя любимого сына, плоти от плоти твоей.
Царь, в истине сущий,
Властитель Обеих Земель,
Повелевает он Верхним и Нижним Египтом.

Имя ему — Эхнатон, Владыка сиянья;
Продлится безмерно время жизни его
Совместно с любимой супругой,
Царицей Обеих Земель, Нефертити.
Ей благодать ниспошли до скончанья веков!





[К БОГИНЕ]

Оты, шагающая так широко,
Сеющая смарагды, малахит и бирюзу, словно
звезды,
Когда цветешь ты, цвету и я,
Цвету, подобно живому растению.





[К УТРЕННЕМУ СОЛНЦУ]



Золотая появляется на судне Солнца —

Ра любит ее.

Дневное судно могуче —

Ра любит ее.

Твоя сила достигает Средиземного моря —

Ра любит ее.

Ра вышел, чтоб узреть красоту ее,—

Ра любит ее.





[К НОЧИ]

Во чреве неба зрела ночь.
Из чрева неба вышла ночь.
Ночь принадлежит матери своей.
Мне принадлежит покой телесный.

О ночь, даруй мне мир —
И я подарю тебе мир!
О ночь, даруй мне отдых —
И я подарю тебе отдых!

Вечер убрался прочь,
Сломан посох его,
Расколот его кувшин,
И дурная вода пролилась.

Ночь принадлежит матери своей, Золотой богине.
Мне принадлежит покой природы.



[ЦАРИЦА ХАТШЕПСУТ ОТМЕРЯЕТ БЛАГОВОНΙΑ
ДЛЯ СВОЕГО ОТЦА АМОНА]

Благовонное масло мерит царица своими руками.
Бесценною миррой умащено ее тело.
Росою божественной пахнет оно.
Его аромат мешается с благоуханием Пунта.
Подернута золотом, кожа ее сверкает,
Как звезды, что блещут на сводах высокого храма,
Страну озаряя до самых ее рубежей.





[К БОГИНЕ ХАТОР]

I

О снизойди к молящим, Золотая!
Твоя стихия — пенопенья, пляски,
Блеск празднества в часы отдохновенья.
Ты жаждешь танцев под покровом ночи.

О, снизойди на место возлияний,
В покой с колоннами. Твоя обрядность
Незыблема, а суть и смысл устава —
Предупрежденье всех твоих желаний.

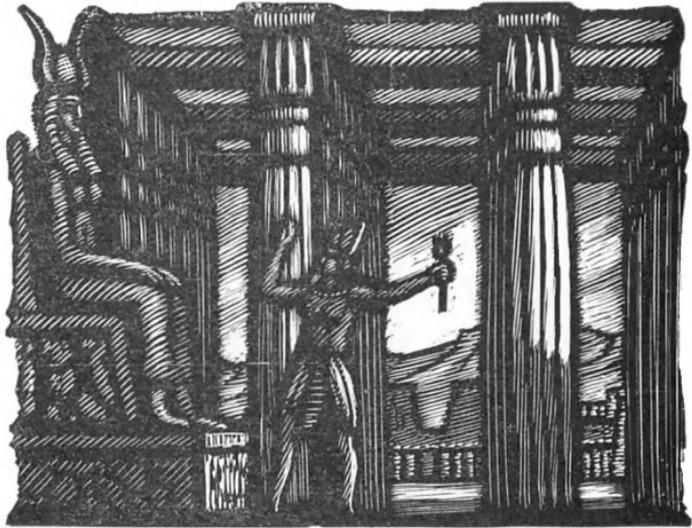
Тебя сановник ублажает жертвой
И царские одаривают дети.
Хвалу тебе возносит жрец верховный,
И праздничный канон мудрец читает.

К тебе зывают флейты переливы,
Тимпаны о твоём гремят величье,
И женщины с гирляндами ликуют,
И радуются девушки с венками.

Тебя ночным разгулом славит пьяный
И трезвый, пробудившись, величает.
В одеждах грубых пляшут бедуины
И с посохами черные нубийцы.

Божественную чествуя, взлезают
Бородачи ливийцы на деревья.
Животные тебе в забаву скачут
И на ветвях резвятся обезьяны.

Перед лицом твоим играют рыбы,
Покорно грифы складывают крылья,
А бегемоты разевают пасти
И топчутся, приподнимая лапы.



II

1

Фараон приходит плясать,

Приходит воспевать тебя.

О владычица его, гляди, как он пляшет,

О супруга Гóра, гляди, как он прыгает.

Фараон, сын Солнца, его руки омыты,

Его пальцы чисты.

О владычица его, гляди, как он пляшет,

О супруга Гора, гляди, как он прыгает.

Когда приносит он в жертву

Этот сосуд с вином,

О владычица его, гляди, как он пляшет,

О супруга Гора, гляди, как он прыгает.

Сердце его истинно, душа его открыта,

Нет тьмы в груди его.

О владычица его, гляди, как он пляшет,

О супруга Гора, гляди, как он прыгает.

О Золотая, прекрасны эти песни,

Словно песня самого Гора.

Сын Солнца поет, как верховный жрец,

Певец божественный, дитя Гора.

О прекрасная, о сияющая,
 О славная чудесами,
 О владычица его и повелительница,
 О Золотая среди богов.

Тебе поклоняется фараон,
 Пошли ему жизни.
 О Золотая, он хвалит тебя,
 Пошли ему жизни.

Оттуда, где боги, взгляни на него, Хатор,
владычица его,
 С горизонта посмотри на него, владычица,
 О, услышь его, Огненная, с Океана,
 О, воззри на него, Золотая, с Небес и с Земли.

Из Нубии, из Ливии.
 Из стран Востока и Запада,
 Со всех сторон и ото всех мест,
 В которых ты величественно светишь.

Ты видишь, что творится в нем,
 Даже когда уста его немы.
 Сердце его истинно, душа его открыта,
 Нет тьмы в груди его.

Золотая, он почитает тебя,
 Пошли ему жизни.

О, как благостно и приятно, когда расцветает
Золотая,

Когда лучится она и расцветает!
Пред тобой ликуют небо и звезды,
Тебе воздают хвалу солнце и луна,
Тебя славят боги,
Тебе воздают хвалу богини.

О, как благостно и приятно, когда расцветает
Золотая,

Когда лучится она и расцветает!
Пред тобой ликует вся земля,
Для тебя пляшут в радости звери,
Славу твою возносит Египет и страны иные
До неба, лежащего на четырех своих столбах.





[ПЕСНЬ СЕМИ ХАТОР]

Мерные наши удары — для тебя,
Мы пляшем для величества твоего,
До высот неба
Мы воздаем хвалу тебе.

Ведь ты владычица скипетров,
Владычица ожерелья и систра,
Владычица музыки,
Которая звучит для тебя.

Мы воздаем хвалу величеству твоему каждый день,
С вечера до той поры, когда заря встает над землей,
Мы ликуем пред ликом твоим, повелительница Дендера,
Мы чувствуем тебя песнопеньями.

Ведь ты владычица ликованья, повелительница
пляски,
Ты владычица музыки, повелительница игры на арфе,
Ты владычица хороводов, повелительница
плетенья венков,
Ты владычица благовоний, повелительница танцев.

Мы славим величество твое,
Мы воздаем хвалу тебе,
Мы возносим твою славу
Над всеми богами и богинями.

Ведь ты владычица гимнов,
Повелительница книг,
Великая обладательница знаний,
Хозяйка дома писцов.

Мы радуемся величеству твоему каждый день,
Сердце твое ликует, когда внимаешь ты нашим песням.
Мы радуемся, глядя на тебя каждый день, каждый день,
И наши сердца ликуют при виде тебя.

**Ты владычица венков, повелительница хороводов,
Владычица беспредельного опьянения,
Мы ликуем перед тобой, мы играем тебе,
И твое сердце радуется тому, что свершаем мы
для тебя.**





[ПЛАЧ ИСИДЫ ПО ОСИРИСУ]

Я — женщина, прекрасная для своего мужа,
Жена твоя, Сестра твоя,
Приди ко мне скорее!
Потому что я жажду узреть тебя
После того, как не видела лица твоего.
Тьма вокруг нас, хотя Ра в небесах.

Небо смешалось с землей. Тень легла на землю.
Сердце мое горит от злой разлуки.
Сердце мое горит, потому что стеною отгородился
ты от меня,
Хотя не было зла во мне.



Оба наши города разрушены, перепутались дороги.
Я ищу тебя, потому что жажду видеть тебя.
Я в городе, в котором нету защитной стены.
Я тоскую по твоей любви ко мне.
Приходи! Не оставайся там один! Не будь так далек
от меня!

Гляди, сын твой Гор гонит Сета к месту казни.
Я спряталась в камышах и спрятала твоего сына,
Чтобы отомстить за тебя.
Потому что так плохо пребывать вдали от тебя
И невыносимо для плоти твоей.





[ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ]

О господин мой, пребывающий вдалеке от меня в
Джебауге,
Я увижу тебя сегодня. Тело твое источает аромат Пунта.
Тебе воздают хвалу знатные женщины,
Радуетя тебе вся Эннеада.
Возвращайся к своей супруге.
Сердце ее трепещет от любви к тебе.
Она обнимет тебя, и ты не покинешь ее,
Потому что сердце ее ликует при виде твоей красоты.





[ПЛАЧ О ЛЮБИМОМ]

Тягостен уход в страну молчанья.
Бденье сном сменяется навеки.
Кто и ночью бодрствовал, бывало,—
День-деньской лежит в оцепененье.

Знают прорицатели, что темен
Дом упокоенья и глубок он.
Ни дверей, ни окон в доме нету.
Нет и света солнечного в доме.

Нет прохлады северного ветра.
Солнце в этом крае не восходит.
День за днем покоишься во мраке.





[СЕТОВАНИЕ НА ПОХОРОНАХ]



любитель хмельного питья
Удалился в Страну без воды.
Житниц несчетных владелец
Нуждается в горсти зерна.





[ПЛАЧ ПО УСОПШИМ]

1

Благословляю тебя, Повелитель богов,
За несчастье,
Что стряслось надо мною,
Безгрешным ребенком.
Ты повелел — и свершилось!
Малолетком покоюсь я в этой долине
И мучаюсь жаждой, а рядом, в кувшине, вода.
Чья-то рука завладела в младенчестве мной,
Не дожидаясь, покамест придет мой черед.
Я из дома ушла, не насытись родительской лаской.
Для маленькой девочки тягостен мрак!
Высоко-высоко поднялась темнота надо мной,

А я-то сосала еще материнскую грудь!
Стражи загробного царства
От меня отстраняют людей,
Хотя одиночество и не по возрасту мне.
При виде людей наполняется радостью сердце мое:
Я ведь любила веселье, забавы!
О Повелитель богов и вечности царь,
У которого ищут пристанища все, без изъятия!
Дай мне хлеба, ячменного пива,
Дай смолы благовонной и свежей воды с алтаря твоего,
Ибо я — невинный ребенок.

2

Мой Брат бесценный, мой супруг и друг,
Верховный жрец в Мемфисе,
Не зная пресыщенья, пей и ешь,
Похмелью предавайся и любви.

День посвящай веселью.
Веленьям сердца будь всегда послушен.
Заботой не отягощай его.
Что, в сущности, сулят года небытия?

В Стране Заката беспробудный сон
Да тяжкий мрак... Она — обитель
Покоящихся в каменных гробницах.

Ее жильцы не пробудятся,
Не свидятся с друзьями,
Отца и мать вовеки не обнимут.
От жен с детьми сердца их отрешились.

Чужим устам живую воду пить;
Мне — жаждою томиться.
Вода поит живущих на земле.
Со мною неразлучна только жажда.
Ключей и родников не знаю с той поры,
Как я Долины Вечности достигла.

Дай мне воды проточной и скажи:
«Владычице моей не быть вдали от влаги!»
Лицо мое на север обрати,
Чтоб ветром свежим сердца боль умерить.

Пристало смерти имя — «Приходи!».
Кого ни призовет к себе — приходят,
И смертный страх объемлет их сердца.
Лица ее увидеть не дано
Ни людям, ни богам. Ее рука
Равняет знатного с простолюдным.
Ни от себя, ни от кого на свете
Ее перста вовек не отвести.
У матери она похитит сына
Охотнее, чем старца приберет,

Готового переселиться в вечность;
К мольбам трусливых не склоняет слуха;
К отчаявшимся не спешит на зов;
Подарки ни к чему ей, неподкупной.

О приходящие в Страну Упокоенья!
Вы мирру ароматную и воду
Мне приносите в поминальный день.



П Р И М Е Ч А Н И Я



ЛЮБОВЬ

Стр. 17. [Сила любви] — папирус Харрис 500, датируется временем начала правления фараона XIX династии Сети I (ок. 1330 г. до н. э.). Хранится в Британском музее (№ 10060). Перевод сделан по изданию: W.-M. Müller, Die Liebespoesie der alten Ägypter, Leipzig, 1899.

Стр. 19. *Мемфис* — древняя столица Египта, находившаяся южнее Каира. С XVI в. до н. э. — важнейший торговый центр, а также центр почитания бога Пта.

Пта — владыка богов, которому поклонялись как создателю всего сущего. Его считали своим покровителем кузнецы и скульпторы. Со своей супругой Сохмет и сыном Нефертумом составлял так называемую мемфисскую триаду. Изображался в виде человека с обритой головой, закутанного в погребальные пелены.

Сохмет — супруга бога Пта, богиня-воительница, воплощение губительных сил; к ней обращались с мольбой об исцелении.

Иарит — богиня-змея, охранительница власти фараона.

Нефертум — бог, который почитался в одном из мемфисских святилищ, сын Пта. Его изображали человеком с цветком лотоса на голове (лотос олицетворяет рождение и процветание).

Золотая — эпитет богинь Хатор и Сохмет. Хатор поклонялись также, как богине неба и дальних стран. Ее священным символом был систр, а священным животным — корова.

Стр. 21. *Канал Владыки* — находился около города Гелиополя (по-древнеегипетски: Он).

Ра — бог солнца. По древнеегипетским верованиям, совершал свой путь по небу в барке. С конца третьего тысячелетия до нашей эры культ Ра занял господствующее положение в египетской религии. Его стали считать верховным божеством. С возвышением Фив представление о нем слилось с Амоном (Амон-Ра).

Канал Мертиу — находился в районе Гелиополя. Здесь идет речь о празднике, справлявшемся в начале разлива Нила.

Стр. 23. *Начало прекрасных и радостных песен Сестры*, когда она возвращается с луга — папирус Харрис 500. Перевод по тому же изданию.

Стр. 24. *Пунт* — вероятно, страна на побережье Красного моря, там, где сейчас находится Сомали. Оттуда в Египет поставляли благовония.

Стр. 27. *Амон* — первоначально бог плодородия, которому поклонялись в Фивах. После возвышения этого города (второе тысячелетие до нашей эры) стал главным божеством страны.

Стр. 30. *Начало радостных песен* — папирус Харрис 500. Перевод по тому же изданию.

Мех-мех — портулак.

Стр. 33. [*Деревья ее сада*] — папирус Туринского музея. Вероятно, относится к началу XII в. до н. э. Перевод по тому же изданию.

Стр. 39. Начальное слово великой подательницы радости — папирус Честер Битти I — около 1160 г. до н. э. Найден в Фивах. Хранится в Британском музее. Перевод сделан по изданию: A.-H. Gardiner, *Description of a Hieratic Papyrus with a Mythological story, love songs and other miscellaneous texts*, The Chester Beatty Papyrus N 1, London, 1931.

Новогодняя звезда — Сириус, с первым восходом которого совпадало начало разлива Нила и, следовательно, начало сельскохозяйственных работ.

Стр. 41. *Кудри ее — лазурит неподдельный.* — По представлениям египтян, у богинь были лазуритовые волосы.

Стр. 44. *Владычица неба* — здесь: богиня Хатор.

Стр. 48. [Три желания] — папирус Честер Битти I. Перевод по тому же изданию.

Стр. 52. Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком — папирус Честер Битти I. Перевод по тому же изданию.

Стр. 56. [У реки] — остракон Каирского музея № 25218, XIII—XII вв. до н. э. Перевод сделан по изданиям: W.-M. Müller, *Die Liebespoesie der alten Ägypter*, Leipzig, 1899. *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*, nos 25001—25385, *Ostraca par G. Daressy*, Le Caire, 1901.

Стр. 60. [Фрагменты] — остраконы из Дейр-эль-Медине №№ 1078, 1079, XIII—XII вв. до н. э. Перевод сделан по публикации: G. Posener, *Catalogue des Ostraca hiératiques littéraires de Deir el-Médineh*, Le Caire, 1934—1938.

Стр. 62. [В е т е р] — беглая запись на обороте папируса Анастаси II (середины XIII в. до н. э.), хранящегося в Британском музее (№ 10243). Последние слова дополнены по смыслу. Переведено по изданию: A.-H. Gardiner, *Late-Egyptian Miscellanies*, Bruxelles, 1937 (*Bibliotheca Aegyptiaca VII*).

Стр. 63. [Л ю б о в н а я п е с н ь] — остракон Государственного Эрмитажа № 1125, XIII—XII вв. до н. э. Переведено по первой публикации М. Э. Матье (M. Mathiew, *The Ostrakon № 1125 of the Hermitage-Museum*. Сборник египтологического кружка при Ленинградском Государственном университете, № 5, 1930), Она, на наш взгляд, ошибочно приняла эту песнь за религиозный гимн.

Гермополь (совр. Ашмуен) — город в Среднем Египте, примерно в трехстах километрах южнее Каира. Центр почитания бога мудрости, письма и счета Тота. В конце третьего тысячелетия до нашей эры Гермополь играл значительную политическую роль, оспаривая приоритет Фив.

Стр. 64. [Ж р и ц а Х а т о р] — надпись на посвященной богине Мут стеле, хранящейся в Лувре (С 100), ок. 700 г. до н. э. Переведено по изданию: W.-M. Müller, *Die Liebespoesie der alten Ägypter*, Leipzig, 1899. Вероятно, в основе лежит более старое произведение, так как Менхеперра — тронное имя великого фараона-завоевателя XVIII династии, правившего в XV в. до н. э.

Стр. 66. [В е ч н а я л ю б о в ь] — надпись на статуе жреца Тотэфанха из храма Амона в Карнаке, хранящейся в Каирском музее (№ 42206). Эпоха Нового царства (XV—XI вв. до н. э.). Перевод сделан по изданию: *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, nos 42001—42250. Statues et statuettes des rois et du particuliers*, par G. Legrain, Tome 3, Le Caire, 1925.

Стр. 68. [Хвала любящей супруге] — надпись в гробнице жреца из Гермополя Петосириса, около 300 г. до н. э. в Маллави, где была погребена также его супруга Ренпетнефрет. Перевод сделан по изданию: С. Lefebvre, Le tombeau de Petosiris, Parts 1—2, Le Caire, 1924.

Стр. 69. [Из поучений Птахотепа]. — Надпись сделана на папирусе Присс, который хранится в Национальной библиотеке в Париже. Датируется папирус началом Среднего царства (XVI в. до н. э.). Перевод сделан по изданию: Z. Žába, Les Maximes de Ptahhotep, Prague, 1956.

Птахотеп — возможно, главный советник фараона V династии Исеси, правившего в XXV в. до н. э. Птахотеп считался позднее одним из великих древних мудрецов, и его наставления о том, как надобно себя вести, чтобы добиться преуспевания во всем, переписывались на протяжении многих веков.

Стр. 71. [Любовное заклинание] — остракон из Дейр-эль-Медине № 1057, XIII—XII вв. до н. э. Перевод сделан по изданию: G. Posener, Catalogue des ostraca hiératiques littéraires de Deir el-Médineh, Le Caire, 1934—1938.

Ра-Горазуги («Ра-Гор-горизонта») — одно из воплощений бога солнца Гора, почитавшегося в городе Буте.

Семь Хатор — по верованиям древних египтян, богиня любви Хатор воплощалась в образы семи богинь — предсказательниц судьбы.

Бусирис (совр. Абу Сир) — город в дельте Нила, считавшийся местом рождения бога Осириса. Здесь в святилище богини Исиды ежегодно справлялись по нему поминки.

Стр. 73—74. [Праздник в саду], [Пиршество] — надписи в гробнице Рехмира — главного советника фараона XVIII династии Тутмоса III (XV в. до н. э.). Перевод сделан по изданиям: N. de Garis Davies, *The tomb of the visier R^c mose*, London, 1941. *Urkunden der 18. Dynastie*, bearbeitet von K. Sethe, Bd. IV, Leipzig, 1909.

РАЗДУМЬЯ

Стр. 77. [Спор разочарованного со своей душой] — папирус Берлинского музея конца XX — начала XIX в. до н. э. Однако само произведение возникло, по-видимому, лет на двести — триста раньше. Начало утрачено и восстановлено по смыслу. Опущены прозаические вставки к стихам (см. «Фараон Хуфу и чародей», Гослитиздат, М. 1958, стр. 225). Перевод сделан по изданию: A. E r m a n, *Gespräch eines Lebensmüden mit seiner Seele*. Berlin, 1896. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse*.

Стр. 84. Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой — дошла в двух списках: первый сохранился в папирусе Харрис 500, второй — на стене гробницы ваятеля фараона Паатенемхеба в Саккара близ Мемфиса (XIV в. до н. э.). Сама песня создана значительно раньше, очевидно, в XXI в. до н. э. Однако, по мнению некоторых ученых, ее следует отнести к XVI в. до н. э. Перевод сделан по изданию: M. Lichtheim, *The Song of the Harpers*, *Journal of the Near Eastern Studies*, 1945, N 3.

Стр. 85. *Имхотеп* — советник фараона III династии Джосера, строитель первой пирамиды (XXVIII в. до н. э.), на протяжении

многих веков считался величайшим мудрецом древности. В поздние времена Имхотеп был обожествлен, и в его честь сооружались храмы.

Джедефгор (или, как читают некоторые египтологи, Горджедеф) — один из сыновей фараона Хуфу, строителя Великой пирамиды, считавшийся мудрецом и ученым.

Стр. 87. [Похвала смерти] — надпись в гробнице жреца Неферхотепа в Фивах (конец XIV в. до н. э.). Перевод сделан по указанному выше изданию М. Лихтхейм.

«Отец божества» — точнее «отец бога» (пер-нечер) — жреческий сан.

Город Вечности — некрополь.

Стр. 89. [Прославление писцов] — папирус Честер Битти IV (ныне хранится в Британском музее — № 10684). Вероятно, был написан в Фивах, около 1300 г. до н. э. Перевод сделан по изданию: Hieratic Papyri in the British Museum. Third Series. Chester Beatty Gift ed. by A. H. Gardiner, London, 1935.

Стр. 92. *Нефти* — возможно, речь идет об известном мудреце Нефerti, жившем, согласно преданию, при фараоне Снофру (XXVII в. до н. э.). Его поучения дошли до нас в значительно более поздних списках.

Хетти — автор распространенного школьного поучения, в котором восхваляются достоинства профессии писца.

Птахемджхути — вероятно, автор не дошедших до нас поучений или наставлений.

Хачеперра-сенеб — один из мудрецов или наставников, которому приписываются поучения.

Каресу — возможно, один из мудрецов, чьи наставления или поучения до нас не дошли.

Стр. 94. [П о м и н к и] — 1. Надпись в гробнице жившего в XV в. до н. э. вельможи Пахери в Эль-Кабе (около 100 км южнее Фив). Перевод сделан по изданию: J.-J. Tylor and F.-L. Griffith, *The Tomb of Paheri at El Kab*, London, 1897. 2. Надпись в гробнице № 77 Фиванского некрополя эпохи Нового царства. Перевод сделан по изданию: E. Lüddesckens, *Untersuchungen über religiösen Gehalt, Sprache und Form altägyptischen Totenklagen. Mitteilungen des Instituts für ägyptische Altertumskunde in Kairo*, Band 11, 1943.

Стр. 96. [Т о с к а п о М е м ф и с у] — папирус Анастаси IV из собрания Британского музея (№ 10249) времени царствования фараона Сети II (конец XIII в. до н. э.). Перевод сделан по изданию: A.-H. Gardiner, *Late-Egyptian Miscellanies*, Bruxelles, 1937 (*Bibliotheca Aegyptiaca*, VII).

Белая стена (Меп-нефер) — египетское название Мемфиса.

Стр. 98. [С л о в о о с б о р е в и н о г р а д а] — надпись в гробнице Петосириса. Песнь сборщиков винограда.

Стр. 100. [Н а д п и с ь н а п а л к е] — найдена в одной из гробниц Фиванского некрополя эпохи Нового царства. Перевод сделан по изданию: S. Gabrî, *Quelques cannes du Musée du Caire. Institut français d'archéologie orientale du Caire. Mémoires. Tome 66: Mélanges Maspero, T. I. Le Caire*, 1935—1938.

Г И М Н Ы И П Л А Ч И

Стр. 103. [В о с х в а л е н и е Н и л а]. — Наиболее полный текст этого очень распространенного гимна сохранился в папирусах Салье II и Анастаси VII (XIV—XIII вв. до н. э.), находящиеся в Британском музее. Кроме того, известно свыше полутора десятков

фрагментов этого гимна на обрывках папируса и остраконах. Один из них — наиболее ранний — хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва). Хотя все дошедшие до нас списки датируются концом XIV—XIII вв. до н. э., само произведение значительно древнее, быть может, конца эпохи Древнего царства (ок. XXIV в. до н. э.). Оно было оформлено в эпоху Среднего царства (XX—XVIII вв. до н. э.). Перевод сделан по изданию: G. Maspero, *Hymne au Nil*. Le Caire, 1912.

Хани — египетское название Нила, который почитался как божество.

Непра — бог зерна.

Стр. 104. *Хнум* — бог-творец мира и людей, которых он вылепил, по поверью, на гончарном круге; его изображали с головой барана. Центр культа Хнума был на крайнем юге страны, у первого порога Нила.

Стр. 106. *Нейт* — богиня-воительница, покровительница оружия и ткачества. Ей поклонялись и как богине-матери. Считалось, что имя Нейт — супруги бога-крокодила Собека — отгоняет злые чары.

Стр. 111. Гимн солнцу — гимн богу Атону, сочиненный, можно полагать, самим царем — «еретиком» Эхнатом (Аменхотепом IV), правившим в конце XV в. до н. э.; сохранился на стенах гробницы одного из его вельмож Эйе, ставшего впоследствии фараоном. Его гробница высечена в скалах вблизи Ахетатона (совр. Телль-эль-Амарна), куда при Эхнатоне была перенесена из Фив царская резиденция. Перевод сделан по изданию: N. de Garis Davies, *The Rock-Tombs of El Amarna*, vol. VI, London, 1908.

Атон — солнце (в виде диска), его почитание, как единственного бога, было введено фараоном Аменхотепом IV (Эхнатом) в конце XV в. до н. э.

Стр. 116. *Эхнатон* — фараон XVIII династии (конец XV в. до н. э.). Ввел монотеистический культ бога солнца Атона и отменил культ других богов. Свое имя — Аменхотеп — он изменил на Эхнатон («Угодный Атону»). Это была, вероятно, первая известная в истории попытка введения монотеистической религии.

Стр. 117. *Нефертити* — супруга Эхнатона, увековеченная ваятелем Тутмосом в пользующихся ныне мировой известностью скульптурных портретах. Она, видимо, принимала активное участие в установлении культа Атона.

Стр. 118. [К богине] — из так называемых «Текстов пирамид», заупокойных текстов, содержащих магические формулы и заклинания, начертанных на стенах внутренних помещений пирамид фараонов последних двух династий Древнего царства (XXV—XXIII вв. до н. э.). Перевод сделан по изданию: K. Sethe, *Die altägyptische Pyramidentexte*, 2 Auflage, Bd. I, Hildesheim, 1960.

Стр. 119. [К утреннему солнцу] — надпись в гробнице конца эпохи, переходной к Среднему царству. Фиванский некрополь (XXI в. до н. э.). Перевод сделан по изданию: A.-H. Gardiner, *The tomb of a much-travelled Theban official*. *Journal of Egyptian Archaeology*, vol. 4, 1917, N 1.

Стр. 120. [К ночи] — обращение к богине неба Нут как владычице ночи. Надпись в гробнице главного советника фараона Сенусерта I — Антефокера, где она вложена в уста арфиста. Перевод сделан по изданию: N. de Garis Davies and A.-H. Gardiner, *The tomb of Antefoker*. London, 1920 (*The Theban tombs series*).

Стр. 121. [Царица Хатшепсут отмеряет благовоения для своего отца Амона] — надпись из заупокойного храма царицы Хатшепсут (начало XV в. до н. э.) в Дейр-эль-Бахари (Фиванский некрополь). На рельефе изображена Хатшепсут,

отмеряющая благовопия для бога Амона. Перевод сделан по изданию: *Urkunden der 18. Dynastie, bearbeitet von K. Sethe, Bd. 2, Leipzig, 1906.*

Стр. 122. [К богине Хатор] — I. Песнь музыкантов из гробницы в Медамуде вблизи Фив (XV в. до н. э.). Переведено по изданию: E. Drioton, *Rapport sur les fouilles de Médamond (1926). Les inscriptions, Le Caire, 1927.* II. Надпись в храме Дендера. Птоломеевская эпоха (III—I вв. до н. э.). Переведено по изданию: H. Junker, *Poesie aus der Spätzeit. Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, Bd. 43, 1906.*

Стр. 125. *Гор* — бог солнца, покровитель власти фараона, почитавшийся в образе сокола или человека с головой сокола. Первоначально Гора изображали в виде парящей птицы, глазами которой служили солнце и луна, и, видимо, считали богом неба. В мифах он сын Осириса и Исиды, отомстивший убийце Осириса — злому богу Сету, супруг богини Хатор.

Стр. 128. [Песнь Семи Хатор] — Надпись в храме Дендера. См. выше.

Стр. 129. *Дендера* — город южнее Каира, место почитания богини Хатор, здесь находился посвященный ей храм, сохранившийся и поныне.

Стр. 131. [Плач Исиды по Осирису] — папирус Бремнер-Ринд, около 312—311 гг. до н. э. Хранится в Британском музее (№ 10188). Самый текст восходит, несомненно, к значительно более раннему времени. Вероятно, эти песни исполнялись при театрализованных мистериях, посвященных Осирису. Перевод сделан по изданиям: R.-O. Faulkner, *The Papyrus Bremner-Rhind (British Museum N 10188). Bruxelles, 1933 (Bibliotheca Aegyptiaca III); The Brenner—Rhind Papyrus, Journal of Egyptian Archaeology, vol. 22, 1936.*

Исида — в глубокой древности была, очевидно, богиней неба. Впоследствии ее считали супругой Осириса и матерью Гора. Согласно некоторым мифам, Исида собрала тело Осириса, которое злой бог Сет разрубил на сорок частей и разбросал по всему Египту, и погребла его. Ей поклонялись как покровительнице плодородия, материнства и даятельнице благ.

Осирис — согласно мифам, унаследовал царство отца — бога земли Геба, управлял мудро и справедливо. Но злой брат — бог Сет — из зависти убил его и, разрезав тело на части, разбросал по Египту. Сестра и жена Осириса — Исида оживила мужа с помощью магических заклинаний, после чего он стал царем «загробного мира» и судьей умерших. Осирис считался богом зерна, подателем влаги и жизни, покровителем мертвых, которые, подобно ему, могли, по верованиям египтян, возродиться к новой жизни.

Стр. 133. *Сет* — бог, почитавшийся первоначально в Омбосе, а затем, по-видимому, во всем Верхнем Египте. Впоследствии считался богом пустыни и чужеземных стран, братом и убийцей Осириса, побежденным в единоборстве с сыном последнего Гором.

Стр. 134. [О ж и д а н и е в с т р е ч и] — Папирус Бремнер-Рипд. См. выше.

Джебаут — место, связанное с культом бога Гора.

Эннеада — девять богов Гелиополя: Ра-Атум, породивший бога воздуха Шу и жену его Тефнут, от которых произошли бог земли Геб, богиня неба Нут и дети последних: Осирис и Исида, Сет и Нефтида.

Стр. 135. [П л а ч о л ю б и м о м] — надпись в гробнице казначея Верхнего и Нижнего Египта Неферсехеру в Ком-эль-Ахмаре. Он занимал эту должность, очевидно, в XII в. до н. э. Перевод сделан по изданию: Н. Кees, Ein Klage lied über das Jenseits, Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, Bd. 62, 1927.

Стр. 136. [Сетование на похоронах] — надпись в гробнице № 137 эпохи Нового царства из Фиванского некрополя. Перевод сделан по указанному выше изданию Э. Люддекенса.

Стр. 137. [Плач по усопшим] — 1. Надгробная стела Птолемеевской эпохи (III—I вв. до н. э.), находящаяся сейчас в Лейденском музее. Перевод сделан по изданиям: А. Ерман, *Zwei Grabsteine griechischer Zeit*, *Festschrift für E. Sachau*, Berlin, 1915; Н. Грау, *Der Tod als Räuber*. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, Bd. 72, 1936.

Стр. 138. 2. Надпись на стеле супруги верховного жреца из Мемфиса конца Птолемеевской эпохи (42 г. до н. э.). Из собрания Британского музея. Опубликовано А. Эрманом вместе с предшествующей стелой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>И. Кацнельсон. Предисловие</i>	5
---	---

ЛЮБОВЬ

[Сила любви]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	17
Начало прекрасных и радостных песен Сестры, когда она возвращается с луга. <i>Перевод В. Потаповой</i>	23
Начало радостных песен. <i>Перевод В. Потаповой</i>	30
[Деревья ее сада]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	33
Начальное слово великой подательницы радости. <i>Перевод В. Потаповой</i>	39
[Три желания]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	48
Начало сладостных, найденных в письменах речений, начертанных писцом некрополя Нахт-Собеком. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	52
[У реки]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	56
[Фрагменты]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	60
[Ветер]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	62

[Любовная песнь]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	63
[Жрица Хатор]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	64
[Вечная любовь]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	66
[Хвала любящей супруге]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	68
[Из поучений Птахотепа]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	69
[Любовное заклинание]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	71
[Праздник в саду]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	73
[Пиршество]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	74

РАЗДУМЬЯ

Спор разочарованного со своей душой. <i>Перевод В. Потаповой</i>	77
Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	84
[Похвала смерти]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	87
[Прославление писцов]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	89
[Поминки]. 1. <i>Перевод Ахматовой</i> , 2. <i>Перевод Потаповой</i>	94
[Тоска по Мемфису]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	96
[Слово о сборе винограда]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	98
[Надпись на палке]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	100

ГИМНЫ И ПЛАЧИ

Восхваление Нила. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	103
Гимн солнцу. <i>Перевод В. Потаповой</i>	111
[К богине]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	118
[К утреннему солнцу]. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	119
[К ночи]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	120
[Царица Хатшепсут отмеряет благовония для своего отца Амона]. <i>Перевод В. Потаповой</i>	121

[К богине Хатор]. I. Перевод В. Потаповой. II. Перевод А. Ахматовой	122
[Песнь Семи Хатор]. Перевод А. Ахматовой	128
[Плач Исиды по Осирису]. Перевод А. Ахматовой	131
[Ожидание встречи]. Перевод А. Ахматовой	134
[Плач о любимом]. Перевод В. Потаповой	135
[Сетование на похоронах]. Перевод В. Потаповой	136
[Плач по усопшим]. Перевод В. Потаповой	137
Примечания	143

ЛИРИКА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Редактор *А. Ибрагимов*
Художественный редактор *Г. Клодт*
Технический редактор *Л. Заселова*
Корректоры *Т. Кузина*
и *Д. Эткина*

*

Сдано в набор 26/VI 1965 г.
Подписано к печати 2/XI 1965 г.
Бумага $70 \times 108^{1/32}$ —5,0 печ. л. =
=7,0 усл. печ. л. 4,27 уч.-изд. л.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 2734.
Цена 1 р. 15 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
Москва, Ж-54, Валуевая, 28